

Ирина Мороз

**Умер, шмумер,
лишь бы был здоров.**

Ирина Мороз

Умер, шмумер, лишь бы был здоров

*Текст предоставлен издательством
Умер, шмумер, лишь бы был здоров: Издать книгу; 2013*

Аннотация

Отвратительное чувство! Тяжёлые веки, словно два слепленных вареника. Мышцы глаз вяло подёргиваются. Они похожи на свернувшихся червей, потерявших надежду выбраться наружу из высохшего яблока.

В его больном воображении вдруг появились мясистые, ехидно посмеивающиеся губы. Покуривая трубку и время от времени шевеля щёткой усов, губы плюются короткими словами с грузинским акцентом...

Содержание

1. Осмысление	5
2. Изоляция	9
3. В Разливе	12
4. Феерия реальности	15
5. Паника	17
6. Рассуждения	21
7. Свято место пусто не бывает	22
8. Штейны	23
9. Муська и Моня	27
10. Опасения генсека	30
11. Эвелина Штейн	33
12. Заманчивое предложение	39
13. Начало эксперимента	44
14. Адью, мавзолей!	48
15. В архиве	50
16. Находка	52
17. Веня анализирует	57
18. Вексель	59
19. Чаепитие	63
20. Диалог	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Мороз

Умер, шмумер, лишь бы был здоров

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Осмысление

Отвратительное чувство! Тяжёлые веки, словно два слепленных вареника. Мышцы глаз вяло подёргиваются. Они похожи на свернувшихся червей, потерявших надежду выбраться наружу из высохшего яблока.

В его больном воображении вдруг появились мясистые, ехидно посмеивающиеся губы. Покуривая трубку и время от времени шевеля щёткой усов, губы плюются короткими словами с грузинским акцентом...

«От количества принимаемых лекарств и не такое привидится», – подумал он.

В надежде прогнать остатки кошмарного сна, взмахнул левой рукой, но тут же упёрся пальцами во что-то твёрдое, висящее низко над головой и на ощупь напоминающее стекло. От неожиданности его выцветшие брови поползли на лоб и потянули за собой кожу век. На приоткрытые щёлки глаз жадно набросился тусклый луч света, случайно застрявший в темноте и, вероятно, тоскующий по общению.

Он опустил глаза и увидел колышек собственной бородки на фоне чёрных отворотов пиджака. Его левая рука, оторвавшись от неопознанной тверди, шлёпнулась на гладкую ткань костюма и, переставляя сухие пальцы с жёлтыми ногтями, ползком добралась до кисти правой руки, сердито сжатой в кулак и безжизненно лежащей на животе. Густая тиши-

на опустилась вязкой массой, монотонно загудела в голове и щекочущий, извивающийся шустрыми змейками страх, стал расплзаться по его оцепеневшему телу.

«Что за чертовщина, неужели я умер?» – подумал он.

Мысль липкая, тошнотворная поднялась по пищеводу, разбухла, застряла в горле и, заграждая доступ воздуху, вызвала рвотный рефлекс.

С трудом преодолевая слабость, он кое-как продохнул. Пытаясь осознать происходящее с ним, вспомнил, как лежал в кровати, как пил противный куриный бульон, как заходил лечащий врач, как надоело болеть. Он тогда ещё подумал, вот окрепнет, неплохо будет снова отправиться на охоту. Неважно, что в инвалидном кресле, главное, обстановку сменить, природой полюбоваться.

А теперь, присмотревшись к тому немногому, что попало в его ограниченное поле зрения, он ужаснулся: «Да это же склеп. Господи! Похоже, я действительно по дороге на тот свет. Или уже там?... Лежу в прозрачном ящике. Угроздило же меня!.. – он страдальчески зажмурился. – Нет, глупости! „**Cogito, ergo sum**“¹. Но тело... Чужое... Застывшее... Да, со мной, бесспорно, что-то не так».

Вдруг послышались шаги. Щелчок. Зажёгся свет. Он вздрогнул. Через редкую решётку ресниц всё видно, хоть и нечётко.

Суеящиеся блики за стеклом приняли очертания фигуры

¹ Раз мыслю, следовательно, существую.

в белом.

«А вот и ангел», – подумал он.

Ангел очкастый и лысый махнул крыльями над крышкой склепа, чихнул, неприлично ругнулся, крылом утёр нос.

Стекло прошипело – ш-ш-шип, – сдвинулось в сторону. Вместо ангельского оперения, он увидел рукава белого медицинского халата и выпуклые бычьи глаза за толстыми линзами.

Страшная догадка хрипло ахнула, протекла под брюки, согревая холодное тело тёплой влагой.

«Патологоанатом, – подумал он, – аутопсия! Какой кошмар!...»

Лысый свистнул, заулыбался:

– Здравствуй, ВИЛ, наполоскался в луже? Давай знакомиться. Меня зовут Торпеда.

«Не вскрывайте меня, батенька, прошу вас! Смотрите, я – жив»!

– Его губы беззвучно шевелились.

Торпеда ухмыльнулся:

– Не бзди, кент, скоро чурёк шамать будешь².

Непонятная фраза растворилась в раскатах музыкальных звуков. Он прислушался... «Знакомая мелодия... Напоминает Аппассионату... Правда, аранжировка странная и фортепиано звучит необычно».

Музыка прекратилась.

² Не бойся, друг, скоро хлеб есть будешь.

«Какая эфемерная реальность, – подумал, – а может быть, мне всё это снится? Вот и лупоглазый патологоанатом за-чем-то приложил к уху продолговатую коробку и разговаривает сам с собой».

Уставшие веки сомкнулись, а его чудом обострившийся слух принялся вылавливать отдельные слова из потока непонятной речи.

– Готово, Хозяин! Чего? Штейну башню клинит? Рано, говорит? А Зюга что? Кипятится? Пусть кончают гнилые базары. Хоть ВИЛ бацильный, но макитра варит. А тебе, начальник, не резон роги мочить. Догоняешь?³ Ну, всё, пора сматываться! Алё! Алё! Сдохла мобила. Японский городской!

Лысый сунул коробку в карман, сплюнул, схватил неподвижное тело за ноги и, вытянув его из саркофага, переложил на тележку. Покатил по коридору.

³ Готово, хозяин! Что? Штейн заупрямился? Рано, – говорит? А Зюга что? Кипятится? Пусть прекращают пустые разговоры. Хоть ВИЛ истощённый, но голова соображает. А ты, начальник, не лезть не в своё дело. Понимаешь?

2. Изоляция

«Где я?» – он тяжело вздохнул и, кряхтя, приподнялся на локтях. Прямо над ним в металлической раме высветился квадрат. Замелькал. Появилось лицо широкоскулого незнакомца с вишнёвой бородавкой на лбу. Заговорило:

– Приветствую вас, Владимир Ильич! Добро пожаловать в «Разлив». Туалет и душевая за дверью. Завтрак на столе. Приятного аппетита. Будем на связи, – лицо исчезло, квадрат погас.

Он поморщился: «Что за чушь?.. Померещилось», – успокоил себя. Подтянулся, чтобы сесть. Получилось, на удивление, легко. Осторожно спустил с кровати хилые ноги. Огляделся. Незнакомое помещение. Без окон, но светлое, хоть источник света не обнаружил. Дверь. Стеклянная полка с дюжиной разноцветных пижам. Широкая кровать, атласное постельное бельё. Напротив – огромные часы в форме солнца с острыми железными лучами. Обеденный стол с четырьмя стульями. На столе стоит прозрачный сосуд с водой, соединённый длинным шнуром с розеткой в стене. На прикроватной тумбочке стакан. В нём плавает зелёный мешочек с хвостиком наружу, наверное, чай. Рядом на тарелке печенье и ломтики лимона. Возле сахарницы бумажная салфетка, сложенная треугольником с двумя чёрными буквами «СС» на половине красного флага.

Пальцы дрожат, но печенье ухватили. Надкусил, запил глотком чая. Вкус незнакомый, особенный. Промокнул губы обратной стороной салфетки с буквами «СР». Посидел, блаженствуя, несколько минут с закрытыми глазами и снова улёгся на кровать.

Его ноги, погружённые до колен в пушистые гольфы, отдыхали, лёжа на взбитых подушках. Мягкая розовая пижама обволакивала тело. А запах! Ммм!.. Запах в комнате напомнил детство, мамино трюмо, изящный флакон с рисунком кокетливой дамочки и размашистой надписью «Лиля Флёри» на её пышном бюсте. Он улыбнулся воспоминаниям.

«Да! Вопросов миллион, – подумал, – а этот прилив сил? Так хорошо я себя чувствовал лет десять назад. Ай да немцы, ай да молодцы, всё-таки поставили на ноги припадочного. Никак высеялась заразная гадость – отсюда карантин. Изоляция организована в лучшем виде. И почерк организатора узнаваем. Ясное дело – Феликс Эдмундович. Узнаваем, ба-тенька, как устав партии узнаваем. А какая ясность мысли. Наденьке спасибо. Выходила. А грузин, наглец, усомнился в преданности моей жены! Его необходимо остерегаться»...

Он спустил с кровати ноги, с опаской всунул их в глаза-тые и усаые тапки, склонился, погрозил тапкам пальцем и шепотом сказал:

– Эй, Коба, параноик! Следишь? Четырьмя глазами? Вы-скиваешь компромат? – пошевелил ногами. Глаза виновато заёрзали.

Встал. Выпрямился. Бодро прошлёпал к единственной двери. А внутри!.. Зеркальная стена, в полном наборе туалетика, рулон тонкой бумаги... Увидел себя в зеркале. Отпрянул:

«Ну и страшён же ты, батенька, в гроб краше кладут».

Заложил руку за мнимую жилетку, подумал: «типично еврейский жест. Наследие предков. Недаром я по матери – Бланк».

Взглянул на морды тапок, прищурился. Смочил туалетную бумагу, разделил на четыре части.

«Ну, любезнейший, получай по заслугам!» – уселся на крышку унитаза, наклонился и, напевая третью часть сонаты номер два Фридриха Шопена, известную, как похоронный марш, приклеил кусочки влажной бумаги к пластмассовым дрожащим глазам.

3. В Разливе

«Хороша Орловщина! А воздух, каков? И синьку для неба природа не пожалела! Пруд получился глубокий, вода чистая. Ожил родимый. Лучше высохшего будет, долговечнее», – так думал хозяин новенького чёрного джипа, въезжая в бесшумно раскрывающиеся резные ворота. Машина остановилась возле заснеженного брезентового шалаша.

Широколицый мужчина, лет пятидесяти, в твидовом пиджаке, на лацкане которого болтался ярлык с именем А. У. Тарнадин, пригнувшись, шагнул под брезент. Его прилизанные тёмные волосы разделял прямой пробор, заканчивающийся бордовой овальной родинкой точно посередине лба. Родинка напоминала индийскую бинди и придавала его азиатскому облику экзотическую загадочность.

Внутри шалаша находилась мастерская, пахло клеем и красками. Лысый очкарик в рабочей спецовке насаживал на деревянный кол вывеску из синтетического материала, напоминающего пробку. А на ней выжжено:

Пруд «РАЗЛИВ»

под охраной КПРФ

– Привет, Торпеда! Зюга был?

– ЗдравОво, Хозяин! Держи ксиву.⁴ При мне сварганил.

А.У.Тарнадин развернул скрученный в трубочку тетрадный лист, сморщился, мотнул головой.

Лысый развёл руками:

– Надел крыло – живи по понятиям. Кентовка решает, когда фраера в Шизо упечь, а когда ему фанеру ломать. А ты, будь спок! ВИЛ в ажуре.⁵

– Хорош, Торпеда! Будет тебе бухтеть! Я тут харчи привёз. Доставь на кухню и будь на стрёме, а я к себе поднимусь, прикорну минут сто двадцать и – в дорогу. Бывай!

На территории бывшей усадьбы Тургеневых, каменный забор обхватил куб воздуха над участком в один гектар земли, с недавних пор ставший личной собственностью помощника генсека КПРФ – товарища А. У.Тарнадина. В ста метрах от забора поблескивал гранитной облицовкой трёхэтаж-

⁴ Ксива – записка.

⁵ Вступил в коллектив – живи по не писанным законам арестантской жизни. Семья решает, когда парня в изолятор посадить, а когда ему грудную клетку разбить. А ты, будь спокоен! ВИЛ в порядке.

ный добротный дом с пятикомнатным подвалом, начинённым новейшей электронной техникой и домашней утварью. В одной из комнат подвала обосновался профессор Анатолий Львович Штейн, в соседней, большей по размеру, – охранник по прозвищу Торпеда. В конце коридора находилась огромная кухня, оснащённая лучшим кухонным оборудованием, включая, самые дорогие в мире электротовары фирмы – Miele.

Комната Торпеды часто пустовала, хоть и была задумана, как пункт наблюдения. Три монитора, пульт с кнопками на длинном, узком столе. Под потолком – голова оленя. На его ветвистых рогах висело несколько пар носков. В углу дивана ютились скрученные постельные принадлежности, и завершал интерьер плакат, на котором под кепкой хмурился защитник угнетённых масс и показывал оленю огромный кулак с дулей. Смежная с плакатом стена раздвигалась, соединяя комнату Торпеды с потайным помещением, в котором проходил постсмертную реабилитацию вождь мирового пролетариата В. И. Ленин.

4. Феерия реальности

Профессор Штейн получил бессрочный отпуск за свой счёт в московском НИИ, и на неопределённый срок переехал в Разлив. Он навещал Ильича ежедневно. Впрыскивал ему внутривенно витаминизированный состав для укрепления организма, созданный на основе лекарственных трав и с успехом испробованный на мышке Муське.

Моторно-двигательные функции ожившего организма полностью восстановились буквально за сутки. Речь возвращалась постепенно, подгоняемая мощным интеллектом.

Во время длительной болезни Владимир Ильич повидал немало врачей в белых халатах со шприцами в руках, поэтому обратился к профессору Штейну по-немецки, считая его ещё одним, выписанным из Германии светилом медицины.

– Скажите, любезнейший, вы из группы профессора Борхерта, Клемперера? Как к вам прикажете обращаться?

– Я рад слышать ваш голос, Владимир Ильич. Меня зовут Анатолий Львович, – ответил Штейн, наклеивая прозрачный пластырь на взбухшую от укола вену, – я ваш соотечественник, и, если вы не возражаете, мы сможем продолжить разговор по-русски.

– Очень приятно, Анатолий Львович! Знаете, батенька, я, по правде сказать, не привык так долго находиться в изоляции. Я бодр и чувствую себя прекрасно. Обнадёжьте, голуб-

чик, скажите, что карантин подходит к концу. Кстати, какое сегодня число? Без газет я потерял счёт дням. Причина, по которой меня не навещают товарищи, понятна – инфекция и тому подобное, но газеты ведь инфицировать невозможно?! – Ильич улыбнулся собственной остроте и шёпотом добавил:

– А вы не боитесь заразиться?

«Ну, вот и наступил щекотливый момент, – подумал профессор Штейн, – даже раньше ожидаемого»...

Линия поведения Анатолия Львовича в данной ситуации была тщательно продумана и утверждена на последней встрече с Завьяловым Юрием Геннадьевичем – генсеком коммунистической партии России. Сошлись на эффективности шоковой терапии. Для этой цели из архива был выписан целый ящик со старыми газетами, который дожидался своего звёздного часа в комнате Торпеды.

– Владимир Ильич! Я отлучусь на секунду, – Штейн скрылся за отодвинувшейся стеной и тут же вернулся с двумя газетами. Положил их на тумбочку.

– Приятного чтения! Всего доброго! До завтра!

5. Паника

На следующий день Анатолий Львович просматривал запись аппаратуры слежения. То, что показали экраны, вызвало у него сердцебиение и душевную боль. На углу кровати, опустив голову и обняв щуплые колени, прикрытые жёлтыми штанами, сидел светоч коммунизма. Он истерически хохотал. Перед ним на полу валялась газета «Правда» за 24 января 1924 года. Под жирным заголовком «**некролог**», в траурной рамке было написано следующее:

«Умер Ленин. Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы... Милый! Незабываемый! Великий! Единственный и неповторимый, гениальный выразитель миллионов, диктатор в лучшем смысле этого слова, горячо любимый своим окружением... Н. Бухарин».

Хохот продолжался не менее двух минут, после чего Ильич немного успокоился, выпил остаток остывшего чая, взял следующую газету и, развернув её на первой странице, прочёл вслух:

«1 января 1926 года И. В. Сталин Пленумом ЦК ВКП(б) был утверждён на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б)».

Потрясённый прочитанным, он пытался трясущейся рукой смахнуть со лба жуткую информацию, но она уже просверлила череп, угрожая вклиниться в хрупкое левое полушарие, ещё не полностью отошедшего от беспомощности моз-

га.

– 1926 год! Что за чушь! Владимир Ульянов, ты сходишь с ума! – произнёс он, стуча кулаком по лбу и нервно комкая газетный лист. Стараясь понять цель фальсификации, он читал всё подряд. Читал вслух. Стонал. Подносил измятую бумагу вплотную к глазам. Слюнявил палец, пытаясь стереть типографскую краску с пожелтевшей от старости бумаги. Хватался руками за голову, метался по комнате от стены к стене, десятки раз огибая зловещий прямоугольник кровати с разбросанными на ней дьявольскими газетами. И, вконец обессиленный, съехал по двери ванной комнаты на пол, прополз метр, протащив за собой разворот с некрологом, прицепившийся к усатому тапку, одиноко болтающемуся на левой ноге. Голова упала на грудь. Измученный тщетным желанием понять происходящее, В. И. Ленин заснул беспокойным, мучительным сном, забившись в угол комнаты и вздрагивая всем телом от собственного, жалобного повизгивания.

Когда профессор Штейн постучал в комнату Ленина, ответа не последовало. Отодвинув стенку, он вошёл, держа в руках очередную партию газет. Владимир Ильич обедал. По цвету накрахмаленной салфетки, заправленной за ворот сиреневой пижамы, можно было определить ассортимент съеденной закуски. Как подтверждение – тарелка с рыбьим хребтом, огрызком хлеба и винегретным пятном уже покоилась на нижней полке сервировочной тележки, в которой Торпеда привозил Ильичу пищу собственного приготовления.

ния.

Пищевые пристрастия Володи Ульянова сформировались ещё в детстве, поэтому перетёртый кабачковый суп со сметаной, рагу из молочной телятины в чесночном соусе, воздушное картофельное пюре, взбитое с маслом и сливками, квашеная капуста с луком, а на десерт – компот из сухофруктов вызвали приятные воспоминания и перенесли его в Симбирск. Вот он, восьмилетний мальчик, в новом, недавно купленном доме. К воскресному ужину собрались десять человек: мать с отцом, шестеро детей, педагог-репетитор Василий Андреевич Калашников и, няня, Варвара Григорьевна Сарбатова. Запах печёной утки с яблоками перебивал остальные гастрономические ароматы и витал над эмалированной гусятницей, над пиалами с домашними соленьями и над блюдами с разноцветными салатами, украшающими стол, сервированный старинной фарфоровой посудой.

«Да, – подумал Ильич, – что бы там ни говорили Маркс и Энгельс, если моему отцу, простому учителю хватало жалования, чтобы прокормить такую семью, то в царской России всё же было что-то хорошее...»

Спохватившись, он прикрыл жирные губы ладонью, чтобы, не дай Бог, крамольная мысль не вылетела наружу. У этих стен, наверняка, есть уши.

– Ну, вот, я так и знал, наши советские учёные уже научились читать мысли, – пробормотал он сквозь зубы, увидев на пороге Анатолия Львовича Штейна.

– Простите, Владимир Ильич, за вторжение. Здесь двойная стена и, видимо, не слышно стука. Я зайду позже.

– Ну, что вы, голубчик, присоединяйтесь к трапезе. Или я, по состоянию здоровья, обязан есть в одиночестве? А не хотите ли вы, дорогой профессор, вместе со мной почитать фантастическую литературу, которой Вы, батенька, снабжаете меня уже второй день?

– Спасибо, товарищ Ленин, за оказанную честь. Я уже отобедал, – корректно ответил Анатолий Львович, абстрагируясь, однако, от язвительного замечания о литературе, – но вечером, после укола, мы с вами непременно выпьем по стакану чая с фирменным кексом семьи Штейн по рецепту моей прабабушки. Обещаю, будет вкусно. А, впрочем, кто знает, может быть, этот божественный вкус вам давно знаком.

Штейн пошёл к выходу, оставив на краю кровати нейлоновый пакет с газетами.

– Кстати, – он повернул голову в пол оборота, – сегодня вечером вы получите исчерпывающие ответы на все ваши вопросы. Спокойной ночи.

6. Рассуждения

«Так, вот, Владимир Ульянов! Напряги мозги и начинай соображать, для чего на самом деле членам ЦК понадобилось тебя изолировать!? Чтобы снабжать специально отпечатанными газетами ещё не наступившего будущего, в надежде на скорое помешательство? А не проще было бы отравить тебя больного, беззащитного, сославшись на летальный исход последнего приступа?»

Об этом думал Ильич, пережёвывая разбухший в компоте чернослив. И, шурша газетой в предвкушении ещё одного феерического сюжета, усаживался на стульчак туалета.

7. Свято место пусто не бывает

Слухи об исчезновении тела Ленина гнали журналистов-газетчиков на Красную площадь. Иностранных туристов, желающих попасть в мавзолей, с каждым днём становилось всё больше, несмотря на свидетельства уже побывавших там. Усопший лежал на месте.

Эшелоны власти всё кружили по Кольцевой, а пешеходы отбивали чечётку «путём-путём» на хрупких камушках российских мостовых. Первый машинист имел при себе журавлиные крылья, чтобы, если понадобится, взлететь на недостижимую для млекопитающих высоту. Причин собралось хоть отбавляй, а сейчас, как назло, исчезновение издавна почитаемых мощей и замена их восковой фигурой некстати пошатнули рутинные планы государственной думы, взбудоражив, пригревшиеся там, внутренние распри.

8. Штейны

Профессор Анатолий Львович Штейн заведовал лабораторией в одном из НИИ Москвы. В свои шестьдесят два года он был ещё полон сил, и своей необычайной работоспособностью удивлял руководство, которое закрывало глаза на его пенсионный возраст. Сотрудники лаборатории после работы расходились по домам, а он допоздна оставался в компании пискливых мышей. Наблюдая за поведением грызунов, он что-то записывал. Прищуриваясь, всматривался в содержимое плоских стеклянных банок. Осторожно подносил их к яркому свету точечной галогеновой лампочки, которая повисла на длинном шнуре и сияла над его рабочим столом, напоминая хрустального паука на нитке паутины. Взбалтывая кровянистую субстанцию, профессор пожимал плечами, чему-то удивлялся, а потом радостно кивал головой, абсолютно соглашаясь с возникшей мыслью. В мутноватой жидкости развивалось драгоценное детище – мышечная ткань, выращенная из стволовых клеток донора.

Два ряда многоярусных клеток с мышами занимали половину лаборатории, создавая подобие длинного коридора, в конце которого находился секретный отсек – небольшое тёмное помещение, типа чулана.

На металлической двери чулана висел большой замок, стороживший сотни пронумерованных вакуумных пакетов

со срезами мозга великих людей прошедшего столетия. Пакеты хранились в навесных аптечных стеллажах с выдвигаемыми ящиками, разделёнными на ячейки. На одной из ячеек было написано: «В.И.Л.666».

Любимая работа спасала Анатолия Львовича от тоски по жене, которая тридцать лет тому назад отправилась в лучший мир, оставив его с двухлетним сыном Веней. В душе вдовца поселилась тайная мечта о воскрешении незабвенной Эвелины. Анатолий Львович был оптимистом, жил ради Мечты и сына, отмахиваясь от мыслей, грозящих наполнить душу претензиями к судьбе.

Веня слыл вундеркиндом, учился блестяще, увлечённо. Самостоятельно постигая премудрости компьютера, добрался до немалых высот, с которых на золотой медали удачно приземлился в МГУ. Учёба давалась ему легко, а капитанство в КВН, знание нескольких языков и игра на самодельном саксофоне из бамбука, купленном по случаю на блошином рынке, пополняли ряды воздыхающих поклонниц. Готовясь к аспирантуре, молодой человек искал прилично оплачиваемую работу. Зашёл на сайт московского горкома КПРФ. А там объявление: коммунистам требуется компьютерщик. Послал резюме. Пригласили. Поехал на собеседование – без розовых надежд – будь, что будет.

В кабинете начальника отдела кадров, к его немалому удивлению, восседал сам генсек, Завьялов Юрий Геннадьевич, перелистывал бумаги. На вошедшего – ноль внимания.

Зевнул в ладонь, сжал зевок в кулаке, так и сидел, не выпуская, будто удерживал в этом кулаке часть своей духовной сущности. Рекомендательное письмо разворачивал нехотя. За пять минут раз десять на часы посмотрел. Наконец выдал:

– В течение двух дней с вами свяжется секретарь.

Молодой человек протянул ему два номера телефона: свой и отца, на всякий случай. Тут Зюга (так Завьялова в кулуарах называют) возьми да спроси:

– А чем отец-то занимается?

Ну, Веня и рассказал ему в двух словах. Генсек в момент оживился, с кресла привстал резко, чуть не боднул монитор. Заинтересовался, глаза горят, детали выспрашивает. Полчаса продержал. Вдруг, как хлопнет кулаком по столу и говорит:

– Поздравляю, Вениамин Анатольевич! Вы приняты на работу. Завтра, в 8.00. будьте добры явиться в кабинет моего помощника Александра Устиновича Тарнадина. Там находится центральный компьютер партии, – руку пожал, обнял, по плечу похлопал, чуть ли не расцеловал. А Веня от неожиданности забыл закрыть рот, откуда, повертевшись на языке, вылетел деликатный вопрос:

– Простите, Юрий Геннадьевич, а на какую зарплату рассчитывать?

Тот хмыкнул и говорит:

– Окажетесь ценным работником для партии, – в обиду не

оставлю. Слово коммуниста!

9. Муська и Моня

«Ты меня никогда не забудешь, ты меня никогда не увидишь», – бубнил себе под нос Анатолий Львович Штейн, запирая входную дверь лаборатории за ушедшей уборщицей и снимая замок с кладовки (так профессор называл секретный отсек). Потешно шевеля пальцами, натянул резиновые перчатки, зацепил за уши плотную марлевую повязку, спихнувшую очки на лоб, достал из холодильной камеры шприц с кровянистой эмульсией и, выпустив каплю из иглы, шагнул в темноту загадочной комнаты. Включил свет. В коробке с ватой неподвижно лежала любимица Анатолия Львовича, белая мышь по имени Муська. Ей, бездыханной, он сделал очередной укол в миниатюрную пульку.

Мышиная оспа, поразив за сутки практически все внутренние органы несчастного зверька, протекала бессимптомно. Поэтому обогревание, от которого гибнет вирус оспы, не помогло, и белоснежная Муська тихо скончалась, оплакиваемая самцом Моней. Моня сам ещё не оправился от двух операций по пересадке мочевого пузыря. Его красные глаза слезились от душевной боли (или так казалось Штейну), вызванной невыносимой мыслью, что третью, последнюю операцию, ему придётся перенести без сочувствия покинувшей его подруги.

Две недели и день застывшее тельце Муськи с удалёнными

ми внутренностями находилось в изоляторе и не подавало признаков жизни. И только сегодня розовый цвет оживающей кожицы стал вытеснять желто-зеленые трупные пятна с лапок и брюшка. Анатолий Львович заметил эти изменения ещё утром. Не мог поверить собственным глазам. Подгоняемый подскочившим адреналином, он ждал шести вечера, когда разойдутся сотрудники лаборатории, а вслед за ними уборщица тётя Даша, чтобы снова взглянуть на Муську и сделать ей очередной укол.

О таком сногшибательном результате профессор даже не мечтал. Случались, конечно, успешные опыты. Например, выращенная ткань мочевого пузыря, спасающая жизнь Моне. Вот он, красавчик, лапки скрестил, нюхает воздух.

Профессор остановился у клетки, стоящей особняком от других.

– Эй, приятель! Что, грустишь? Знаю, по Муське скучаешь.

Просунул палец между решётками, погладил шрам на розовом животе:

– Понимаю тебя, дружище, ой как понимаю. Не убегаешь, смотришь на меня с мольбой, как на икону. Не о себе, о любимой просишь. Только я не Бог. Ты Ему молись, Его задабривай! Он решает, быть мне, Анатолию Львовичу Штейну, творцом твоего мышиноного счастья или сатаной, который выбросит дохлую Муську в мусорник, а затем, не пощадив и

твою невинную душу, изрежет уже дважды исполосованное, настрадавшееся тело и, на этот раз, навсегда. Прости, дружок, если Создатель выберет второе.

Из открытой кладовки послышался еле слышный звук.

И откуда берётся почти юношеская энергия? Штейн буквально влетел в мышиный изолятор.

– «Барух ата Адонай, элоэину мелех аулям!»⁶ – дважды успел повторить заученную с детства молитву, прежде чем тоненький писк, вновь раздавшийся из коробки, заставил его оторвать от лица дрожащие ладони.

Муська требовала пищу.

⁶ Будь славен, Господь Бог наш, царь мира!(иврит)

10. Опасения генсека

Дискуссия о возможном перезахоронении В. И. Ленина, продолжающаяся в России на протяжении последних десятилетий, воспринималась Завьяловым Юрием Геннадьевичем, как личное оскорбление. Он возмущался, призывал тех, кто «за», прекратить дёргаться и оставить в покое беззащитное тело. Интуитивно чувствовал, что оно, это безжизненное тело, которому поклонялась половина Земли, ещё не завершило своей исторической миссии. Будучи материалистом по определению, он зачастую втайне от партии, от родных и даже от себя самого, покидая прозаическую повседневность, пускался в философский вояж – летал в облаках. Ещё в юности увлёкся ведической литературой Махабхарата. Интересовался наукой. Особенно достижениями отечественной генетики, о которых узнавал из одноимённого журнала, с 1965 года подписки.

Юрий Геннадьевич Завьялов – коренастый мужчина средних лет, всю жизнь боролся с лишним весом и с мировым империализмом. Кроме того, он был крайне суеверным. При виде кошки, незаметно скрещивал пальцы, даже если она была белой и пушистой или вовсе красовалась на рекламе кошачьего питания. Ещё в бытность студентом, досконально изучив историю партии, он навсегда усвоил устав жизни: «Бережёного Бог бережёт!». Комнатные тапочки Юрий

Геннадьевич не оставлял брошенными крест-накрест, ориентировался на рекомендации астролога, стучал костяшкой пальца по дереву, плевал через левое плечо, панически боялся конца света и слепо верил предсказаниям Ванги. Знаменитая фраза провидицы «Когда мёртвое тело вынесут, начнётся третья мировая война», с момента прочтения ассоциировалась в его сознании с апокалипсическими картинками: опустевшим мавзолеем, мумией Ленина, превращающейся в прах под могильной плитой Ваганьковского кладбища между памятником Япончика с одной стороны и надгробием никому не известного Давида Давидовича Нассо с другой. Всё это плюс заросший сорняками гранитный Ильич с отбитым носом и протянутой к радиоактивному небу рукой не раз являлись вспотевшему от страха председателю ЦК КПРФ в тревожных и, даст Бог, не пророческих снах. Чувствуя, что в борьбе за статус-кво существующего положения вещей, он имеет серьёзный шанс потерпеть поражение, Юрий Геннадьевич стал подумывать о, казалось бы, невероятном. Его убеждения, развившиеся под влиянием материалистической философии и обильно сдобренные мистической приправой, ни в коей мере не противоречили принятию легитимации научных опытов по клонированию человека, несмотря на то, что противников этого метода с каждым днём становилось всё больше. Стагнацию мёртвой ткани учёные пока не обсуждали вообще, тем не менее, оживление В. И. Ленина представлялась Завьялову естественным результатом вось-

мидесяти трёх летнего ожидания и единственным выходом в создавшейся пред Армагеддоновской ситуации.

Поэтому звон в правом ухе, начавшийся с утра и усилившийся по дороге на работу, сообщение о преждевременно начавшихся родовых схватках у жены начальника отдела кадров А. Б. Морусько, плюс необъяснимое решение лично сменить отбывшего в роддом супруга на остаток рабочего дня, и, как апогей цепочки событий, появление Вени Штейна – Юрий Геннадьевич расценил, как знак свыше.

11. Эвелина Штейн

Наверное, так чувствует себя археолог, – думал Веня, раскапывая могилы старой, вроде бы, на века погребённой информации. Однако, на бескрайнем информационном поле то тут, то там появлялись пустые ямы. Новое место нахождения их исчезнувшего содержимого выслеживалось дотошным программистом, а найденные данные переносилось на жёсткие диски и хранились, закодированные, в специальных файлах.

Веня отпросился с работы на два часа раньше. Сегодня грустная дата – тридцать лет со дня смерти мамы. И погода, как всегда в этот день, дождливая. Решил, что возьмёт такси. Позвонил отцу. Договорился заехать за ним в институт, а оттуда – на Новодевичье кладбище.

«Вот же как! – подумал, – кто-то решил, что чёртово колесо жизни обязано брать разгон для вращения непременно снизу, возле земли, подбирая людскую боль для того, чтобы развеять её высоко в небе. А сколько раз в году это колесо делает полный круг? О, то-то и оно! Чем старше человек, тем чаще обороты – накопившееся горе подгоняет».

Маму, Эвелину Аркадьевну Штейн Веня, как ни странно, помнил. Она была пианисткой. И руки её помнил. И себя помнил – двухлетним, соглашавшимся сидеть на горшке только в гостиной возле массивной рояльной ноги, усеянной

просверлёнными шашелью дырочками, в которые папа делал уколы страшным железным шприцом. А мама играла на рояле, играла бесконечные гаммы и только после гамм – красивые мелодии. Одну, самую красивую маленький Веня научился узнавать.

В наушниках звучало несравненное «Адажио» Альбиони. Прикрыв голову полиэтиленовым пакетом, на перекрёстке Малого и Большого Сухаревских переулков, Веня Штейн ловил такси, то и дело, пытаясь увернуться от хлюпающей каши грязи, вылетающей из-под колёс шумного транспорта.

– Нормальные люди заказывают такси заранее, господин-балда, – прошипел, стиснув зубы, – осенью пользуются зонтом и... кстати... не забыть бы купить цветы, – он оттянул рукав, – часы показывали пять.

Кто-то постучал по спине. Оглянулся.

– Юрий Геннадьевич?

– Залезайте под зонт! Я слышал, вам на Новодевичье? У меня тут машина припаркована, идёмте, подвезу.

– Ой, спасибо! Но мне бы сначала заехать за отцом.

– Говорите куда!

– Институт Вавилова на Губкина 3, знаете?

С внутренней обивки новенького Мерседеса ещё не была сдёрнута прозрачная защитная плёнка, и Венины замызганные брюки не угрожали испачкать осенней грязью аристократическую, нежно-абрикосовую кожу ортопедических кресел.

– Да, не плохая тачка, – подумал, усаживаясь на заднее сидение. Опоясался. Машина беззвучно завелась и поплыла по мокрой улице.

Анатолий Львович Штейн пытался спастись от внезапно разгулявшегося ветра и колючих щёток дождя под вывернутым наизнанку зонтом. Зажав мобильный телефон между ухом и плечом, он двумя руками удерживал развевающийся чёрный парус, пытаясь перебежать улицу.

– Серебряный Мерседес? Где-где? За Москвичём? А, вот, вижу! Сейчас буду.

Наконец, он пробился к автомобилю, передняя дверь которого учтиво распахнулась. Замешкался. Голые спицы зонта вцепились в мохеровый шарф. Отбивался от них, как боксёр от противника, утрамбовывая прыгающими шажками грязные разводы тротуарного ринга.

Веня выскочил из машины.

– Папа! Остановись на секунду! Да постой же! Нужно снять с тебя шарф! Вытащить из него спицы зонта – не реально... Ну, вот и всё, слава Богу! Садись сюда, на переднее сидение.

Засунув под мышку, спаренные намертво и уже бесполезные, сломанный зонт и продырявленный шарф, Веня помог изрядно промокшему отцу усесться в машину.

– Юрий Геннадьевич! Знакомьтесь! Мой папа – Анатолий Львович Штейн.

– Очень приятно, Анатолий Львович!

– Здравствуйте, Юрий Геннадьевич! Я Вам премного благодарен. – Он промокнул носовым платком капли дождя с ладони и протянул её для рукопожатия.

По дороге на кладбище завязался разговор.

Завьялова интересовали последние генетические разработки. Спрашивал, удастся ли учёным оживить мамонта. Ну, этого, что недавно нашли во льдах. А человека? Как насчёт человека? И главное – никакого риска – мёртвые не умирают. И попытка – не пытка.

О новом препарате, оживившем мышку Муську, научное окружение профессора Штейна ещё не было информировано. А тут, случайно повстречавшись с человеком, просто интересующимся генетикой, Анатолий Львович не удержался и, как на духу, выложил ему, вконец обалдевшему, детали своего последнего открытия. Правда, уже через минуту профессор пожалел об этом и, ругая себя за эмоциональную несдержанность, принялся разглядывать показавшийся купол Новодевичьего монастыря.

Завьялов молча рулил, переваривая услышанное, и поглядывал на профессора с благоговением, дополнительный раз, убеждаясь в правильности собственных предчувствий.

Возле кладбища он остановил машину:

– Вот мы и приехали. Профессор Штейн, позвольте мне сопроводить вас. Без зонта вы промокните до костей.

– Юрий Геннадьевич, я вам очень признателен.

Завьялов припарковался. У кладбищенских ворот усатый

продавец торговал цветами. Веня купил букет белых хризантем и присоединился к отцу и боссу, которые шли к памятнику, спасаясь от припустившегося дождя под надёжным зонтом Юрия Геннадьевича.

Гранитную плиту с портретом улыбающейся женщины и гравированной надписью:

Эвелина Штейн

1950–1977

ливень вымыл основательно и... прекратился.

Эвелина улыбалась сыну, мужу, грузному незнакомцу и цветам – морю лепестков, тесно прижавшихся друг к другу. Она была благодарна родным за память о ней, за ухоженный памятник, за любимые хризантемы, за терпение дорогого мужа, подробно рассказывающего ей на протяжении тридцати лет о взрослении сына, о его успехах, радостях и не прекращающейся тоске по матери.

Мерседес довёз Штейнов до подъезда их дома. Веня вышел из машины, размялся.

Профессор покачал головой и смущённо пожал плечами: – Даже не знаю, как вас благодарить, Юрий Геннадьевич, – я ваш должник.

Завьялов довольно улыбнулся:

– А знаете, Анатолий Львович, мне бы очень хотелось побывать у вас в лаборатории и своими глазами увидеть чудо генетики – ожившую мышь.

– Добро пожаловать, – в любое для вас удобное время.

Веня всунул голову в кабину автомобиля и легонько потянул отца за локоть:

– Папа, выходи уже! Отпусти человека, скоро ночь, а ему ещё до центра баранку крутить, – и добавил – Юрий Геннадьевич, спасибо! Увидимся на работе. Спокойной ночи!

Завьялов не торопился уезжать. Прикусив губу, он наблюдал, как Веня, заботливо приподнял воротник на старомодном пальто отца, взял его за руку, и медленно обходя две сросшиеся прямо на переходе лужи, завёл его в подъезд, придерживая ногой тяжёлую дверь.

Шарф Штейна старшего, запутавшийся в спицах чёрного сломанного зонта, выглядел несчастным зверьком, угодившим в пасть огромной летучей мыши. Вся эта конструкция ещё долго пролежит в автомобиле марки «Мерседес Бенц», полноправным хозяином которого и поныне является Завьялов Юрий Геннадьевич – главный коммунист бывшей социалистической страны.

12. Заманчивое предложение

Когда утром следующего дня перед выходом на работу профессор Штейн копошился в прихожей, вспомнив в последний момент, что нужно сменить домашние тапки на ботинки, зазвенел мобильный телефон:

– Алло, Анатолий Львович? Говорит Завьялов. Приветствую вас! Если вчерашнее предложение ещё в силе, я бы хотел им воспользоваться. Это возможно?

– Конечно, Юрий Геннадьевич! Приезжайте к концу рабочего дня, скажем, часам к шести. К этому времени сотрудники уже разойдутся, и нам никто не помешает. Я вас жду.

Завьялов прибыл вовремя. Профессор Штейн провёл его через мышинный коридор к двум крайним клеткам. В одной из них резвилась Муська, в другой – отдыхал после третьей операции перебинтованный Моня.

Юрий Геннадьевич кивнул в сторону пухленькой самочки:

– Если допустить, что это проворное существо ещё недавно было безжизненной тушкой, то напрашивается вопрос – с какой целью провидению понадобилась наша с вами встреча? – он поднял над головой указательный палец и прошептал, – вы понимаете, к чему я клоню?

– Н-н-не совсем, – Штейн задумался, опустив углы губ.

– Ну, как же? – Завьялов доверительно обнял его за плечи

и, переведя взгляд с клетки на пучок волос, седой щеткой, торчащий над ухом профессора, усмехнулся, – ваша мышь, дорогой Анатолий Львович, вполне может стать первой ласточкой на пути к столь желанному человечеством бессмертию. Вы, наверняка, мечтаете продолжить эксперимент. Я предлагаю вам не тратить драгоценные годы на воскрешение больных мышей, на кошек и собак, сбитых бессердечным транспортом, а в конце жизни, если останется время, на оживление почившего от старости крупного рогатого скота. Давайте, сразу перейдём к человеку. Вы говорили, что для создания вакцины необходим биологический материал. В этом я не вижу никакой проблемы. На нашем мертвце с учётом усыхания – не менее полутора квадратных метров кожи. Кроме того мне известно, что в вашем институте хранятся образцы его мозга, – Завьялов пристально посмотрел на профессора Штейна, – теперь вы понимаете о ком идёт речь?

– Вы имеете в виду, – Анатолий Львович провёл рукой по воздуху, горизонтально полу...

– Да, дорогой профессор. Одно из двух. Или вы необычайно сообразительны, или мои мысли транслируют чёткое изображение. Я надеюсь, что на раздумья вам хватит одной недели? – Юрий Геннадьевич закрыл глаза и произнёс:

– Москва. Красная площадь. Мавзолей...

Когда Завьялов ушёл, Анатолий Львович взъерошил волосы и, тяжело вздохнув, плюхнулся на стул. Он, не отрыва-

ясь, смотрел на потёртые носки своих, когда-то коричневых, кожаных ботинок, купленных в ГУМе по случаю Вениного семнадцатилетия, окончания школы и церемонии вручения ему золотой медали.

«Буду носить до Вениной свадьбы, – подумал он, – только дожить бы до неё.

...А вот до предложения воскресить Ленина – уже дожил.

Ей, Богу, какие странные люди. Как будто это так просто – взять и воскресить! Ха! Что может быть элементарнее? Обычное дело. Можно подумать, что по улицам шныряют толпы бывших мертвецов.

Конечно, с одной стороны, здесь хотя бы есть за что ухватиться. В отличие от конвенционального разложившегося трупа, у этого имеется кожный покров – профессор подумал о покойной жене и, шмыгнув носом, вытер скатившуюся слезу, – но надеяться на желаемый результат, оживив месяц назад, всего одну мышь, – он пожал плечами и неуверенно покачал головой – глупо и безответственно. И, кроме того, стать современным доктором Франкенштейном – честь довольно сомнительная. Меня вполне устраивает вторая половина этой фамилии. Но, с другой стороны, я уже не молод и, отказавшись от осуществления мечты всей моей жизни, я должен понимать, что другого такого шанса больше не будет. А если допустить почти не вероятное – предположим, достигнута цель эксперимента и к подопытному с жизнью вернулось сознание... А не подло ли это по отношению к са-

тому ожившему? Очутиться в незнакомой эпохе, когда воспоминания о прошлом проносятся в пробудившемся мозгу призрачными картинками – скорее наказание, чем подарок. Как поступить? Ответить отказом на предложение Завьялова, исходя из морально-этических соображений, значит продемонстрировать какую-то степень благородства и всё такое, но эго учёного... оставить его неудовлетворённым – жестоко в той же мере. Юрий Геннадьевич выделил мне неделю на муки. За это время, хочешь, не хочешь, придётся что-то решить».

После долгих размышлений и нескольких продолжительных бесед по телефону с Завьяловым, профессор Штейн, наконец, принял окончательное решение. Они договорились встретиться в консерваторской «Кофемании». Там за чашкой кофе Анатолий Львович подробно изложил Юрию Геннадьевичу план эксперимента по оживлению Ленина.

Завьялов вытащил мобильник, открыл в нём календарь и, постучав указательным пальцем по квадратику «1-ое декабря», заговорчески приблизился к Штейну.

– Анатолий Львович! В этот день мавзолей закрывается для посетителей на месяц по случаю замены водопроводной инсталляции. Я уже организовал вам свободный вход в помещение на срок ремонта. Если я правильно понял, вам предстоит ежедневно вводить инъекции в тело Ильича на протяжении трёх недель?! – Завьялов вопросительно выпучил глаза.

Штейн утвердительно кивнул.

– Тогда – лады, – Юрий Геннадьевич запанибратски похлопал профессора по плечу и встал со стула, заталкивая вылезающую рубашку в брюки, – будем на телефонной связи.

13. Начало эксперимента

«Кашу маслом не испортишь». Об этом думал профессор Штейн поздно вечером, добавляя каплю тягучего вещества в революционную эссенцию, которая так невообразимо оживила мышку Муську.

Тончайший срез головного мозга, изъятый из спрессованного пакета с наклейкой «В.И.Л. 666» полтора месяца плавал в плоской банке с питательной средой. Результатом ожиданий явилась зеленоватая субстанция, по мнению Штейна в своём беспредельном потенциале способная перевернуть существующие представления о жизни и смерти и, как следствие, изменить направление человеческой эволюции.

Впервые Анатолий Львович увидел Ленина тридцать пять лет назад, за несколько дней до праздника 7-го ноября. Он помнил, как, заранее заказанный мини-автобус доставил полусонную и нескончаемо зевающую делегацию сотрудников НИИ на Красную площадь. В этот день в виде исключения мавзолей открыли не в десять утра, а на рассвете, чтобы дать возможность группе тульских коммунистов, приехавших в Москву на один день, увидеть высохшее тело Ильича и вдохнуть формалиновый запах советского бессмертия. Город ещё не проснулся, но к мавзолею уже тянулась серая очередь молчаливых, не выспавшихся людей. Кто-то ответственный за порядок, видимо парторг, нервно топтался в хвосте оче-

реди, попеременно поглядывая то на часы, то в сторону отбившихся от коллектива ненадёжных элементов, самовольно рассматривающих Троицкую башню Кремля. Было темно, холодно и ветрено. Парторг старался удержать в руках вырывающийся транспарант, на котором большими чёрными буквами было написано: «РАБОТНИКИ ТУЛЬСКОГО ПИЩЕПРОМА ПОЗДРАВЛЯЮТ ДОРОГОГО В. И. ЛЕНИНА СО СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ОКТЯБРЯ».

Молодой генетик Штейн тогда ещё подумал: «А подарки, а торт, а пожелание здоровья? В принципе – иди, знай! Может, внизу, в банкетном зале мавзолея в эту минуту накрываются столы. Жирные окорока и аппетитные тушки перепелов, обрастающие румяной корочкой в пузырьках кипящего соуса, возлежат на огромных резных подносах, забивая запах разлагающегося тела ароматом изысканных приправ. А на десерт – ммм! Вкуснятина какая! Пальчики оближешь! Пирожные, сладкие булочки, начинённые экзотическими фруктами, коврижки всевозможных форм и, безусловно, натуральные тульские пряники. А что? Чем плох сценарий? После жертвоприношения коммунисты вознесут хвалу истукану, пропев для него ритуальную молитву „Ленин всегда живой“, а затем удовлетворённые, с большей уверенностью в завтрашнем дне, уедут в родную Тулу».

Да! Картинка тридцатипятилетней давности чётко всплыла в памяти.

А сегодня, 1-го декабря 2007 года профессор Штейн во

второй раз посетит мавзолей.

В 20 ноль-ноль Анатолий Львович положил шприц в медицинский саквояж времён А. П. Чехова, переходивший по наследству от отца сыну в течение трёх поколений, запер дверь лаборатории и, спустившись лифтом с пятого этажа, вышел на заснеженную улицу. Холодный ветер угрожающе выл, пытаясь сорвать шапку с головы профессора.

Мерседес Завьялова дважды моргнул фарами, призывая озиравшегося по сторонам Анатолия Львовича сделать несколько шагов вправо.

В темноте траурного зала мавзолея, слабо освещенный, поблескивал купол стеклянного саркофага. Завьялов нажал на кнопку пульта, и купол отъехал в сторону.

На зависть чёрным мумиям египетских фараонов лицо светоча коммунизма, в который раз отшлифованное и загримированное, как и положено, светилось, излучая коммунистические флюиды по всему периметру усыпальницы.

Анатолий Львович снял пальто, повесил его на спинку чёрного кресла, под которым валялась, видимо не замеченная уборщицей, шелуха от семечек. Затем с треском натянул стерильные перчатки, вынул из саквояжа шприц и осторожно приблизился к спящему вечным сном вождю пролетариата. Уколов его бескровную шею и зачем-то протерев место укола ваткой со спиртом, профессор Штейн улыбнулся Завьялову, который, не прекращая, теребил свой галстук.

– Не волнуйтесь так, Юрий Геннадьевич. Синяка не будет.

У этого препарата, дорогой мой, – единственное побочное действие. Он вызывает бессонницу.

14. Адью, мавзолей!

Через две с половиной недели ежедневных инъекций тело Ленина стало подавать первые признаки жизни. Вместо исчезающего формалина развивались внутренние органы, заполняя собой брюшную и грудную полости. Сформировавшийся желудок начал сокращаться, с треском выталкивая собравшиеся газы, что в свою очередь повлияло на внутреннее ухо, чутко реагирующее на дробный звук слабым подёргиванием головы. Окрепшие мышцы спины, наливаясь кровью, приподнимали верхнюю часть туловища.

Всё было готово для встречи с оживающим Ильичём. Из Рязани прибыл Кузьма Вертухаев, срочно вызванный Тарнадиным. Был назначен день и час проведения операции по освобождению воскресшего вождя из восьмидесяти трёхлетнего заключения. Чтобы обеспечить Владимиру Ильичу нормальный быт, Александр Устинович оборудовал подвал загородного дома в «Разливе» всем необходимым.

Когда подельник Тарнадина Кузьма Вертухаев (или попросту Торпеда) вырвался из гранитных застенков с подпрыгивающим на каталке полуобморочным Лениным, было уже далеко за полночь. До ожидавшего их чёрного джипа оставалось ещё метров сто.

Во мраке морозной ночи его раскрытый багажник напоминал разинутую пасть огромного чёрного медведя. Пасть

захлопнулась, проглотив бесценный груз. Железный медведь икнул и понёсся, сверкая пятками колёс, оставляя за собой осиротевший склеп, Красную Площадь, сонную Москву с унылыми москвичами, которым, в принципе, до лампочки, как существование мавзолея, так и сам вождь пролетариата, мёртвый или живой.

15. В архиве

Учёба в аспирантуре Веню не обременяла, а, довольно простая и рутинная работа в КПРФ неожиданно оказалась прилично оплачиваемой.

Покупка настоящего саксофона фирмы «Yamaha» приноравливалась к повестке дня, пока ни обосновалась там надёжно, хоть и ненадолго. Инструмент был куплен, а повестка освобождена для следующей фантазии – автомобиля марки «Toyota Corolla».

Подписав документ о неразглашении, Веня Штейн получил специальный пропуск и, по заданию А. Тарнадина, отправился в центральный архив партии, находящийся на улице Большая Дмитровка 15.

Почти вся документация почивших РКП (б), ВКП (б), КПСС и воскресшей КПРФ уже была переведена в электронный формат. Но один обособленный отсек под вывеской: «Секретно! Вход только для членов ЦК» был обойдён процессом модернизации. Тарнадин был уверен, что полузабытые папки содержат дополнительные килограммы компромата против обесчещенной партии и эту информацию необходимо держать под контролем. Вене надлежало отсканировать секретные документы, загрузить их в центральный компьютер в виде отдельных восьмидесяти (по количеству папок) файлов, и распределить по годам, значащимся на об-

ложках.

Перебирать пыльные бумаги оказалась нудной и утомительной работой. Привезенные ноутбук и сканер отбарабанили до пяти вечера. В такси по дороге в ЦК молодой человек, не прекращая, зевал. Приехав, первым делом выпил крепкий кофе с бутербродом-канапе, купленным в кондитерском бутике секретаршей Светой. Подзарядив израсходованную энергию, Веня до десяти вечера переводил собранную в архиве информацию на главный компьютер.

«Вот дела! Кто бы мог подумать, что я буду вкалывать, как папа Карло, да ещё на компартию, – размышлял Веня. А мой отец!? Воскрешение мумии выходит за предел понимаемых мной вещей. И ужаснее всего, что кто-то всерьёз планирует явление „размороженного“ народу. Зачем?.. Может быть?.. – сморщил брови. – Ну, не знаю, не знаю! Время покажет...»

16. Находка

Александр Тарнадин в 32 года стал подполковником МВД и сотрудником главного московского управления благодаря исключительной природной интуиции и умению сохранять нужные связи. В начале 30-тых годов дед Александра Устиновича был направлен в Хакасию государственным уполномоченным для осуществления плана ЦК – массового раскулачивания области. Там он обзавёлся семьёй и очень скоро стал председателем русского животноводческого совхоза. Маленький Саша учился технике выживания на примере деда и отца, которым удалось не только избежать трагической участи множества земляков в страшные годы репрессий, но и существенно продвинуться по партийной линии, приравливаясь к любой среде, подобно некоторым рептилиям, путём изменения окраса.

Решив переждать смутные Горбачёвские годы вдали от Москвы, Александр Тарнадин вернулся на Алтай в посёлок Майма, заранее обеспечив себе должность начальника колонии строгого режима.

Новая должность оказалась по плечу бывшему МВДешнику. С подчинёнными он находил общий язык, а жаргон заключённых освоил нахрапом, призвав в учителя некоего Кузьму Вертухаева, лагерного повара по прозвищу Торпеда. Бывший вор в законе, отбывающий восьмилетнее наказание

за вооружённое ограбление, ботал по фене так, что иначе, как искусством это не назовёшь. Перед Тарнадиным работал, надеясь на досрочное освобождение.

Немалые средства, получаемые на содержание колонии, Тарнадин распределял по своему усмотрению. А смотрел он преимущественно на непоколебимость собственного материального благополучия, постигая виртуозную технику бухгалтерских махинаций.

Так случилось, что заместитель Тарнадина Е. Б. Гнусин случайно обнаружил документы, свидетельствующие о суммах денег, на которых хозяин нагрел руки. Моментально настроил в центр донос, но зная, что вся без исключения корреспонденция проходит цензуру начальника, носил письмо в кармане, ожидая подходящего случая отправить его с посылным за пределы колонии.

Но то ли Тарнадин обладал сверхъестественным чутьём, то ли на лице самого Гнусина читалась подозрительность, — через два дня произошёл несчастный случай. На заместителя начальника с крыши барака свалился сто килограммовый мешок с цементом.

Торпеда действительно вышел на волю раньше срока, оставив хозяину адрес старухи-матери в Рязани, куда и отбыл в добрый час, получив пачку «деревянных» рублей на необходимые нужды.

После распада СССР Тарнадин вернулся в Москву. Досконально изучив ситуацию, сделал ставку на бесприкрыш-

ную, по его убеждению, лошадку – компартию, став за короткий срок доверительным лицом и помощником генсека, Завьялова Юрия Геннадьевича.

Утром на рабочем столе Тарнадин нашёл записку: «Александр Устинович! Сейчас 11 ночи. Загрузил 80 файлов. Очистил ноутбук, как Вы просили. Осталось определить степень допуска к документам. Просмотрите файлы и оцените каждый в отдельности от одного до пяти. Результат запишите в моём блокноте. Приеду к двенадцати утра, не раньше. Нужно выспаться. Веня».

Работать с компьютером Александр Устинович не любил, да и не умел. Он прочитал Венино сообщение, страдальчески сдвинул брови и нехотя включил экран. Появились документы секретного отдела ЦК КПСС и КГБ. Они описывали проводившиеся в 1951-ом году кампании террора против граждан страны. Список файлов, с выставленной Тарнадиным оценкой секретности, успешно перелез на третью страницу блокнота, как вдруг... откуда ни возьмись, на экране мелькнуло число – 1916.

«Странно, – подумал. – Что здесь делает этот документ? 1916-ый год? И написано по-немецки».

Немецкий язык Тарнадин учил в школе, азы помнил, так что прочитанное кое-как переводилось, с каждым понятным словом повергая Александра Устиновича в шок. Он увидел старинный вексель, выданный 28 декабря 1916 года господину В. И. Ульянову, в скобках – Ленину – на сумму в две-

сти тысяч немецких марок, находящихся на его личном счёту (номер счёта 611361) в банке «Credit Suisse», по адресу: Цюрих. Улица Парадеплатц 8.

О том, что Германия финансировала большевиков, и октябрьская революция, фактически, была оплачена немецким правительством, Александр Устинович знал ещё от деда. За 70 лет стараний, партии так и не удалось вытравить этот позорный факт из памяти народа. Но память памятью, а наткнуться на реально существующий вексель, который за девяносто один год, наверняка, накопил умопомрачительную сумму денег, ясное дело – подарок судьбы.

Тарнадин сидел отрешённый, перечитывал вексель, изучая каждую печатную и рукописную закорючку и, автоматически, повторял: – какие бабки, какие бабки, какие бабки!..

Возле кабинета послышались голоса. «Никак Веня пришёл?» – подумал Тарнадин. Неожиданно в его голове пронеслась фраза: «Звуки атас цинкуют»⁷. Вздрогнул, рука с мышкой заёрзала в лихорадочном поиске команды «удалить», которая, как назло, не находилась. Успокаивал себя мыслью, что мальчишка не читал содержимого папок. И тут, на тебе, явился!

– Здравствуйте, Александр Устинович! Извиняюсь за опоздание.

– Что ломишься без стука? – внезапно, потеряв над собой контроль, рявкнул Тарнадин. – Напряги бестолковку, меди-

⁷ Звуки опасности.

кованный! Вали отсюда! Или не волокёшь?⁸

Замолчал. Сморщился до боли в скулах и, не отрываясь от экрана, перешёл на понятный Вене язык.

– Мне ещё минут на пять-десять работы осталось. Сушная ерунда. А ты, Вениамин Анатольевич, иди на кухню, попей кофе с крендельком. Вон Света-секретарша коробками со сладостями весь кухонный стол завалила. Кровь стучала в висках так оглушительно, что он, не услышав собственного голоса, сорвался на крик, – чего стоишь, иди, тебе говорят!

Оглянувшись, Вени в комнате не было.

«Где эта чёртова кнопка?» – изображение векселя издательски не исчезало. Наконец обнаружил долгожданное окошко. Облегчённо вздохнул: «С Богом! Готово! Поехал дальше». Раскрасневшийся, потный, читает, записывает, выставляет коды. А годами тренированный мозг уже чертит план последующих действий.

Одно бесспорно – нужно торопиться!

⁸ Напряги мозги, интеллигент! Иди отсюда! Или не понимаешь?

17. Веня анализирует

Ошеломленный выходкой начальника, молодой человек уселся на стул для посетителей перед закрытой дверью кабинета, в которую вот уже семь месяцев ежедневно входил без стука. Анализируя происшедшее, он думал о том, что неадекватное поведение Тарнадина наверняка небеспричинно. За время совместной работы, Веня неплохо изучил черты характера Александра Устиновича, поэтому предположил, что сегодняшняя сцена явилась результатом чего-то экстраординарного, вызвавшего всплеск неуправляемых эмоций у человека, умеющего, по мнению Вени, как никто, скрывать свои чувства.

Неожиданно из кабинета выскочил Тарнадин в шапке-ушанке. Надевая на ходу дублёнку и сжимая в зубах ремешок от сумки, вихрем промчался мимо Вени. Хлопнула входная дверь.

«Да что это с ним, как с цепи сорвался! Волкодав! А, может, с пробудившимся не всё в порядке?» Возникшая мысль заставила Веню пройти вглубь коридора, где за массивной дверью из красного дерева находился кабинет Завьялова. Постучал:

– Можно, Юрий Геннадьевич?

– Заходите, Винамин Анатольевич! Заходите, дорогой! – и почти шёпотом, – а я в Разлив на пару дней собираюсь.

Нужно выехать пораньше. Пять часов в дороге – не шутка. На сегодняшний вечер запланирован серьёзный разговор с Ильичём. Что Анатолию Львовичу передать?

– Ну, мы с ним вообще-то по нескольку раз в день на телефонной связи, а сегодня он не отвечает на звонки. Откровенно говоря, я волнуюсь, всё ли там в порядке!?

– Я с вашим родителем, Веня, разговаривал буквально минуту назад. Там все живы и здоровы.

– Вот, спасибо, Юрий Геннадьевич, успокоили. Я попробую созвониться с отцом позже. А, впрочем, передайте ему, что я не выгляжу дистрофиком. Вы представляете, папа считает, что я недоедаю, хоть он и оставил мне холодильник полный деликатесов собственного производства. По-правде сказать, мой отец – кулинар от Бога. Если вы, Юрий Геннадьевич однажды попробуете кусочек его фаршированной рыбы с картофелем, сваренным в юшке, то, уверяю вас, будете готовы на все (вплоть до обрезания – подумал Веня и улыбнулся), лишь бы ещё раз испытать удовольствие от этой божественной еды. Ну, счастливой вам дороги, а я побежал работать.

18. Вексель

Тарнадин приехал на Большую Дмитровку. Нахохлившись, сидел в автомобиле, наблюдая за бегущими куда-то пешеходами, до которых ему не было никакого дела, но своим муравьиным мельтешением они успокаивали развинтившиеся Тарнадинские нервы, напоминая ему колонию и суетящихся заключённых. И не было никакой разницы между этими людьми – быдлом, марионетками, болтающимися на свитых случаях верёвках, которые время от времени закручиваются в тугие петли не шеях зомбированных кукол. Убогие, они верят в справедливость и в светлое завтра не столько из-за реальных для этого предпосылок, сколько из-за упрямства и глупости. Тарнадин нутром чувствовал, что прямое предназначение этих существ, ничем не отличающихся от насекомых, быть не более чем живым фоном для стержневых образов, монументальных и судьбоносных, к которым Александр Устинович причислял себя. Из пухленького портфельчика-барсетки он достал паспорт. В девяностые годы щёгольские барсетки стали незаменимым мужским аксессуаром, дополняющим преимущественно малиновые пиджаки. Сегодня на Тарнадине был рыжий, кожаный пиджак, от «Жиль Сандер». Рядом на сидении лежала тёмно коричневая дублёнка «Тоскана» и шапка из настоящего «мужского» меха – баргузинского соболя. Александр Устинович за-

метно нервничал. Капля пота облюбовала родинку на лбу, но, не удержавшись, сорвалась на красную корку его паспорта, растекаясь на золотых крыльях двуглавого орла блестящей шестиконечной звездой.

«А что, если Завьялов прав, и приметы что-то значат?» – подумал. Но тут же выбросил идиотскую мысль из головы, промокнул носовым платком паспорт, напялил шапку и, прихватив дублёнку, решительно распахнул дверь джипа.

На самом деле найти, изъять и вынести драгоценный вексель из пыльного лабиринта архива не составило труда.

Папка под номером 1916 нашлась моментально, как будто специально высунулась, чтобы узкие глаза Тарнадина смогли её обнаружить. Пожелтевший вексель, ослеплённый электрическим светом, не замедлил нырнуть в тёмную барсетку, прижавшись к близкой по духу, новенькой чековой книжке.

Александр Устинович направлялся к своему автомобилю достаточно бодро для человека, потерявшего, как ему казалось, немало нервных клеток.

«Всех дел – пятнадцать минут против двух часов волнений. А, с другой стороны, Бог с ними, с клетками. Разве овчинка выделки не стоит? Только бы получилось!»

Мозг Тарнадина лихорадочно работал, перебирая варианты дальнейших действий. Не успел опомниться от волнений, глядь, а перед носом дверь собственного кабинета.

На экране центрального компьютера всё ещё находились

файлы, требующие включения кодов, которые Александр Устинович аккуратно прописал в блокноте.

«Нуднее работы не бывает», – жалобно зевая, Веня продолжал следить за вереницей цифр.

Через полтора часа, проверяя сделанное, он не досчитался одного файла. «Жаль, что стёр содержимое лэптопа, не с чем сверить», – подумал он и открыл корзину «Recycle bin».

И, действительно, последнее действие было сбросом файла под номером 1916.

«Как он туда попал? Видимо, я сам его случайно сбросил, – подумал, – ну, иди сюда, шлемазл, возвращайся к собратьям, а то ютишься в корзине, как бедный родственник. Вот, совсем другое дело. Раз, два, три, четыре, нет – пять документов. И последний, кудрявый – сюда же... Все на месте».

Дверь кабинета открылась. Повеяло сквозняком. Вернулся хозяин.

Веня за компьютером. А на экране – о, Боже! Всё тот же вексель, уничтоженный и невообразимо воскресший.

На секунду потеряв дар речи, Тарнадин взял себя в руки. Подумал, что непредвиденный поворот событий нужно использовать для собственной выгоды. Как ни в чём не бывало, обратился к Вене:

– Что скажешь, Вениамин Анатольевич? Думаешь, удастся деньги по векселю получить?

– Какие деньги, вы о чём? – Глаза молодого человека недо-

умённо округлились.

Тарнадин закивал головой и, тряся пальцем, указал на экран.

Веня вытянул шею. Беззвучно шевеля губами, он внимательно прочел немецкий текст, обрамлённый витиеватой рамкой и, оказывается, называемый векселем.

– А, вот что Вы имеете в виду!?! Вы серьёзно? – и убедившись, что Тарнадин не шутит, – пожал плечами, – не знаю, . . . не сведущ, – по таким вопросам, обычно, банк выдаёт справки.

– Ну, и ладненько! Созвонись, товарищ Штейн, со швейцарским банком и выясни что к чему. И запомни, Завьялову пока ни слова!

19. Чаепитие

В пять вечера после оздоровительной процедуры Анатолий Львович, как и обещал, организовал чаепитие. В центре стола, накрытого на три персоны, красовался румяный кугель и банка с вареньем из черешни, начинённой абрикосовыми косточками. Засвистел чайник. Властное колоратурное си бемоль, почти минуту продержавшееся на пике возможностей данного электроприбора, скатилось по хроматическому ряду, напоминая звук сдувающегося шарика. Кипящие пузырьки, толкающиеся в стеклянном сосуде, постепенно угомонились.

– Товарищ Штейн, а кого мы ждём? – хитро прищурился Ленин, с интересом разглядывая кружевной арнамент подстаканников. – Ну, кого же? Не томите, голубчик... Надежду Константиновну?

– Нет, Владимир Ильич! Мы ждём другого человека. Сегодня вам предстоит услышать и отчасти увидеть историю, которая наверняка покажется фантастической, но на самом деле она так же реальна... ммм... как, например, ваша красная пижама.

В комнату вошёл Завьялов. Поздоровался. Пожал Ленину руку. Представился.

– Присаживайтесь, товарищи! – профессор Штейн отрезал от кугля три сочных треугольника. Юрий Геннадьевич

положил на стол айфон. Пролистав ленту изображений и остановившись на обзорном видео Красной площади, сделал глубокий вздох и сказал:

– Дорогой Владимир Ильич! Сегодня – 21 марта 2007-го года...

20. Диалог

Было два часа ночи, когда визитёры ушли, выключив в комнате электричество. И только свет ночника, огибая спину сидевшего на кровати старика в красной пижаме, распластался на противоположной стене вокруг гигантской тени человека с вытянутой рукой и в кепке.

Ощупывая голую лысину, Владимир Ульянов изумлённо рассматривал тень. Он пытался отыскать разумное объяснение сему необычному явлению, но, не найдя такового, решил не отчаиваться. Лукаво прищурив глаза, он произнёс:

– Ну, как вам вечерок, товарищ Ленин? И вы ни капли не удивлены? Или, узнав свой реальный возраст, – сто тридцать шесть лет, – вы окончательно потеряли дар речи, восемь часов не произнеся ни слова?

– Отстань от меня со своими вопросами! Нет, нет, и ещё раз нет! Я не верю, что на экране с якобы живыми, двигающимися людьми действительно запечатлён я, усопший. Труп в гробу может быть загримированной куклой, а подобие пирамиды на Красной площади, которое они называют мавзолеем – театральной бутафорией.

Тень шевелилась и говорила голосом вождя, всё больше удивляя Владимира Ульянова:

– Товарищ Ленин, не будьте упрямым ослом! Вы видели своими глазами аппарат, уместающийся на ладони, который

показывает живые картинки. Это вам не кино, которое «из всех искусств для нас является важнейшим». Ваша, батенька, знаменитая фраза оказалась пророческой, но с тех пор прошли десятки лет. Наберитесь мужества не отрицать очевидное. Вы только что просматривали запись демонстрации военной техники на Красной площади 9-го мая 2006-го года. Неужели, даже эти чудовища на колёсах не могут убедить вас в том, что сегодня не 1924 год?

– Хватит, Ульянов! прекрати надо мной издеваться!

Я, можно сказать, ощущение жизни теряю, не знаю, кто я, где нахожусь. Если верить их сказкам, – месяц тому назад я, Владимир Ильич Ленин, ещё был набитым чучелом, которому поклонялись советские люди на протяжении восьмидесяти трёх лет. Невероятно! Дьявольщина в чистом виде. За какие грехи со мной так поступили?

– О, товарищ Ленин! Не приbedняйтесь! Чем-чем, а этим добром вы набиты по самое не хочу. Вы наверняка помните, кто объявил террор допустимым средством революционной борьбы? Да ещё и публично. А кто не возражал против политических убийств? А кто создал первые концлагеря? А кто...

– Довольно, Володя! У тебя словесный понос. Тебе, слюняю, не оценить степень необходимости перечисленных действий в революционной борьбе.

Ульянов наступал:

– А расстрел царской семьи? Последний русский император, Николай Второй, хоть и отказался от престола, но, ка-

жется, в виде обезглавленного трупа, облитого серной кислотой, был менее опасен для осуществления ваших параноидальных амбиций? А обезображенные останки его супруги, его детей, слуг, – сброшенные в Ганину яму, словно тушки бешеных собак? Скажите, батюшка, эти картины радовали вашу душу? Сознаться, Владимир Ильич – ведь чрезвычайно радовали!..

– Заткнись, Вовка! Ты наглый трус! Ты сам обо всём знал. И молчал. Когда я принимал решения, ты лично присутствовал. И молчал. Когда я отдавал приказы – молчал. Что же ты, душа змеиная, в то зыбкое время, когда ещё можно было что-то изменить, не остановил меня, как Бог Авраама? Что ж не отвёл руку с клинком от невинных душ? Или ты зрелищами русского Колизея тогда наслаждался, мечтая опустить палец вниз и затеряться в толпе? Так не читай мне мораль! Убирайся! Я ненавижу тебя! – Тень затряслась, теряя чёткие очертания.

– Ай-ай-ай! Зачем так волноваться, товарищ Ленин? Волнение может навредить вашему забальзамированному организму. И будьте скромней, не берите всю вину на себя. Вчера мы оба слышали, какого уровня зла достигли Ваши последователи, планомерно уничтожая цвет нации вплоть до крушения Советского Союза. А дело врачей, что вы думаете об этой акции? Ещё не успели подумать? А я вам подскажу. Но только между нами, по секрету. Джугашвили с большим удовольствием перенял опыт немецких союзников в распра-

ве с неугодной нацией.

Помните, как вчерашний визитёр описывал вторую мировую войну, а профессор Штейн рассказывал о гибели шести миллионов евреев?

– Допустим, ты прав, Ульянов. Но корень зла! Где он? Нет, молчи, не хочу слышать...

– Ну, что же вы, Владимир Ильич снова на себя одеяло тянете? Самомнения у вас – хоть отбавляй. Вы, дорогой мой, только крохотный листочек в ядовитых зарослях истории. И хоть все мы – продукты совокупления добра со злом, в вашем случае – небольшой перевес в пользу второго проявился достаточно ярко, чтобы осветить дорогу вслед идущим хищникам, переплюнувшим вас, увы, идеологически и практически. Разве ваши попытки реализовать коммунистическую утопию, ограничивающиеся жалкими 4-мя миллионами жертв, могут сравниться с гением Иосифа Виссарионовича Сталина создавшего машину смерти – Гулаг, или с размахом Мао Цзэдуна, заморившего «бледным»⁹ голодом свой, и так не розовощёкий народ, или с исчадием Ада – Адольфом Гитлером? Каждый из этих посланников Сатаны уничтожил десятки миллионов людей! Да, товарищ Ленин, уничтожены десятки миллионов людей! Вслушайтесь в звучание этой фразы. Не кажется ли вам, что так должен звучать Реквием по человечеству?

– А не кажется ли тебе, Владимир, – тень развернулась

⁹ «Скрежешет бледный голод в тыл». Державин.

на 180 градусов – что оплакиваемое тобой «человечество» создало в моём лице козла отпущения, самого несчастного человека на Земле? Меня жестоко наказали. Более изощрённой кары трудно себе представить. В первый раз изувечили моё мёртвое тело, сделав из него чучело для всеобщего обозрения. А во второй раз, издеваясь над природой, оживили это многострадальное тело через восемьдесят три года, когда кроме воспоминаний, старых газет и могил соратников не осталось ничего, ради чего стоило бы жить. А цель? Ха-ха-ха! В этот раз я умру со смеху! Скомпрометированная коммунистическая партия, вновь охотясь за сторонниками, решила сделать из чучела наживку, – партия, которая дважды так бессовестно надругалась над своим вождём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.